

Б.Ф. Егоров.

Отзыв официального оппонента о диссертации А.В. Радионовой
«Лиро-философский метатекст в русской литературе»
(Смоленск, 2019),
представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук
по специальности 10.01.01 – русская литература.

Диссертация посвящена метатексту русской философской лирики XVIII-XIX вв. В таком объеме, когда охвачена поэзия более чем двух веков, и в таких масштабах, когда участвуют одновременно и крупный масштаб (системы, бытийность, онтология), и скрупулезно-мелкий (вплоть до отдельных мотивов), этот объект еще не был исследован. Поэтому автор диссертации является бесспорным пионером во всеохватности объекта. Слава Богу, много новаторства видим и в области глубины анализа.

Диссертация состоит из 5 глав (2-я и 3-я – «персональные», остальные общепроблемные) и 9 Приложений, которые оказываются существенными добавлениями к основному тексту. Ему сопутствуют Введение (где дана характеристика трудов предшественников по теме и кратко сообщается о собственном исследовании) и развернутое Заключение. Еще, естественно, приложен Список литературы (он громадный – 446 №№). Своих работ А.В. Радионова включила только четыре (как бы не по теме диссертации, хотя они и использованы); полный же список ее научных трудов по теме см. в автореферате диссертации (49 №№).

В 1-й главе раскрываются общие понятия, начиная с самого главного – «лиро-философский метатекст» (термин, введенный И.В. Романовой), который определяется так: «Лиро-философский метатекст мы предлагаем понимать как сверхтекстовое образование, в котором поэты в поэтической форме рассматривают вопросы бытия, человеческих ценностей, искусства» (с.21).

Содержание объекта уточняется структуралистски: он рассматривается «как комплекс элементов тематического, мотивного, композиционного уровней» (с. 22). В свою очередь в тематическом уровне выделены категории: экзистенциальное, время, гносеология, этика, эстетика; в мотивном – бытийное, рефлексия, категории тематического уровня; в композиционном – бытийные ситуации (с. 22-23).

Четкость здесь хороша, но я бы кое-что из категорий поставил не в горизонтальном ряду, а в вертикальном: ведь экзистенциальное (сущностное!) включает в себя все следующие категории, поэтому его следовало бы поднять *над* списком. А в другом случае я бы, наоборот, вертикаль сменил горизонталью. Читаем: «Понятие "онтологическая ситуация" уже понятия "бытийная ситуация", поскольку бытийная ситуация по сути, по формальным показателям может обладать онтологическим, этическим, эстетическим или социальным статусом» (с. 30). Но ведь

«онтология» в словарях законно определяется как «учение о бытии», и поэтому онтологию, как и синонимическую ей экзистенцию, надо поставить рядом с бытием, а этику, эстетику и социальное – внизу, как ее части.

С третьей стороны, насколько целесообразно отделять *тематическое* от *мотивного*? Постоянно заметно сближение понятий; например, в 4-й главе перечисляются онтологические темы: время, свет, смерть, а далее – онтологические мотивы: «я увидел сей свет», «время зияет стереть славу»; «смерть глотает царства» (с. 169). Но ведь это то же самое! Получается, что если номинативное название, то это тема, а если развернуть во фразу – то мотив?! Недаром И.В. Силантьев говорил о тематичности мотивов и о мотивности тем. Я бы, не выдумывая нового термина, соединил названия дефисом: «тема-мотив» и объединил все их рубрики.

В композиционном аспекте очень хорошо для структурирования введено понятие *ситуации*. Опираясь на лотмановскую классификацию лирических текстов (циклическое построение и линейное), А.В. Радионова выделила *бытийную* ситуацию и *событийную* (с. 30). Для лиро-философского метатекста особенно важны бытийные ситуации, которые удачно рассмотрены в двух вариантах: *презентационные* (где статические описания) и *процессуальные*, где благодаря процессу и панораме появляется событийность.

Появление новых признаков, динамика (а не статика!), часто демонстрируемые в диссертации, оказываются весомым методологическим подспорьем для конкретных анализов в следующих главах. В скучном на первый взгляд ряду обширных классификаций как бы застывает живая художественная плоть описываемых стихотворений, но показываемая процессуальность, динамичность явно возрождает пульсирующую жизнь и свежесть. Динамичность является заметной частью анализа (и не только как объект, но и как внутренняя принадлежность) на протяжении всего объема диссертации, включаясь и в самые конкретные разделы, и в крупномасштабную историю: «Коллективное сознание в лирике золотого века рассматривается большей частью с общественно-политической, патриотической точки зрения. Серебряный век освещает проблему коллективного разума более распространено. Авторы приходят к поэтическому осмыслению опыта сознательной деятельности человечества в разных масштабах: от общечеловеческой до узко пассионарной, групповой» (с. 350).

Кстати сказать, «человеческое» в диссертации постоянно присутствует и в «голосе» самого автора: «... отвлеченное, очеловечиваясь, становится ближе к нам и воспринимается острее» (с. 36). Именно так!

3-й раздел 1-й главы посвящен не очень понятным «ситуациям разных функционально-смысловых типов». Но далее все разъясняется, выделяются три уже известных в исследовательской литературе типа: рассуждение, повествование, описание (с. 47). Новаторство А.В. Радионовой заключается в возвышении рассуждения: повествование и описание становятся его

формами (динамическое повествование или статическое описание). Очень интересно вводится понятие *перипетии* (с. 53), когда выявлены «поворотные мотивы». Следует ведь учесть, что «перипетия» – очень редкое и относительно новое понятие: его нет в словаре Даля (вообще, видимо, в XIX веке оно еще не было распространено: его нет у Пушкина); нет его и в известном в советское время «Поэтическом словаре» А. Квятковского. А.В. Радионова считает, что перипетийные мотивы «играют особую роль» в поэзии Гумилева (с. 53).

2-я глава – «персональная»: посвящена метатексту у Тютчева и Гумилева.

В тютчевском отделе главный объект – композиции, которые структурно классифицируются: контрастная, параллельная, обобщающая, последовательные, усложненные. Жаль, что совсем не учтены хронологические проблемы. Ведь Тютчев-поэт на протяжении полувека очень изменялся; интересно было бы проследить развитие тем, мотивов, композиций в динамике: что-то менялось, хотя, может быть, что-то и сохранялось на протяжении всей творческой жизни поэта.

Во 2-м разделе 2-й главы (метатекст в поэзии Гумилева) много «оглядок» на 1-й раздел: Гумилев хорошо знал Тютчева, и многие его структуры похожи на тютчевские. В этом отношении очень интересна концепция *животворящего слова* с привлечением подобных пассажей Шеллинга (с. 98-99).

Похожа на тютчевский отдел и общая структура главы о Гумилеве: тоже в центре внимания – композиции ситуаций, и они расположены, как и в отделе о Тютчеве: контрастная, параллельная, обобщающая, последовательная, усложненная.

В конце отдела рассмотрены разные виды чередования ситуаций. Здесь особенно ценно введение понятия *озеркаливание* (с.111): когда создается симметрия на разных уровнях текста.

3-я глава посвящена поэтам-философам: А.Ф. Лосеву и С.М. Соловьеву.

В отношении новаторства особенно интересен раздел о Лосеве. Недавно Е.А. Тахо-Годи в обстоятельнейших книгах и статьях о нем, казалось бы, исчерпала художественную проблематику, изученную на фоне философско-религиозного фундамента выдающегося универсала. Но А.В. Радионова смогла воочию проиллюстрировать тесную связь поэтического и философского аспектов, дав в Приложении Д («Точки пересечения поэтического и философского текстов А.Ф. Лосева») 5 параллелей комплексов «жизнь – ум», распад цельного мира, «мать миров», «странница-подвижница», «жизнь – мир».

Опираясь на эти параллели, А.В. Радионова смогла глубоко раскрыть внутренние сущности выделенных понятий: например, в разделе «Жизнь» исследованы «жизнь-сон» и «жизнь-тревога» (в связи с «тревогой» очень интересно рассмотрена «тайна»), затем – «жизнь-ум»: именно ум

оправдывает жизнь (так ли? есть ведь и у Лосева – см. далее с. 147-148, и в мировой философии идея, что именно Смерть оказывается оправданием Жизни). Чрезвычайно ценно исследование *раздранности* (термин Лосева) мира, совершаемого Демиургом; но далее раздранье связывается с распятием Христа (с. 132).

Важно разграничение Сущего (где «покой») и Иного (где «непокой»). И Сущее разворачивается: покой → движение → становление (с. 143). Динамичность заметна и в объектах, и в исследовании. Если Лосев научно утверждал, что «в реальной жизни разума и бытия постоянно происходит различение и отождествление» (с. 147), то такие колебания отыскиваются и в его поэзии.

Раздел о Лосеве как бы провоцирует будущих филологов глубоко изучать поэтическое творчество философов: оно раскрывает новые грани и в их научных трудах.

Раздел о С.М. Соловьеве ценен обстоятельным анализом его поэтического творчества; ведь до сих пор его наследие мало известно и философам, и литературоведам.

Здесь у меня есть одно библиографическое замечание. Вскользь отмеченная традиция переложения псалмов (с. 150) ограничивается ссылкой только на книгу Т.А. Жирмунской 2006 г.; но совсем не упомянуты громады исследований Л.Ф. Луцевич, воплощенные в двух (даже трех!) больших книгах: «Псалтырь в литературе», ч. I-II, Кишинев, Молдавский гос. ун-т, 2000-2001; «Псалтырь в русской поэзии», СПб., ДБ, 2002.

4-я глава посвящена фундаментальным понятиям: онтология, этика, эстетика. Стоящая в этом ряду весьма магистральная ментальность перенесена в особую 5 главу. О соотношении онтологии и этикой и эстетикой я уже сказал, можно это повторить и применительно к 4-й главе. Но А.В. Радионова в основном выбирает в каждом подразделе свою отдельную «доминантную тему», и это вполне оправдывает горизонтальный параллелизм главных понятий.

В 1-м разделе, онтологическом, выделены стихотворения с переходом в сферу трансцендентности. Подчеркивается «свойственная и для поэзии XIX века, и для поэзии XX века тенденция <прихода> онтологических ситуаций к трансцендентности» (с. 262). Прилагается схема Ж1 (с. 447) с 5 самыми общими формами трансцендентного, в свою очередь дробимыми на более мелкие виды (их 14). Удачно для данных анализов привлечена поэзия Ф. Глинки и Н. Гумилева. И тоже выделены 5 способов трансцендентирования в бытийной лирике Глинки (с. 176-185): осмысление разницы между телесной и душевной жизнью, пробуждение от аллегорического сна, озарение (инсайт), духовное размышление в особом времени (обычно – ночью), творческое вдохновение. Лирика Глинки оригинально и свежо подается читателю (но не соединить ли 3-й и 5-й способы – озарение и вдохновение?).

У Гумилева выделены три парадигмы трансцендентности: «постижение иной реальности в измененном состоянии сознания лирического субъекта»

(с. 187), представление «тем, мотивов и образов, невозможных и нелогичных в обычной реальности» (с. 188), ситуация внешне реальная, но по сути – вне разумно понимаемой жизни (с. 190). И всюду демонстрируются связи, переходы, пульсирование и мерцание; казалось бы, статичные, формализованные структуры оказываются живыми, жизненными: «Приемы вкрапления одной ситуации в другую или мерцания ситуаций служат демонстрации близости имманентного и трансцендентного миров, их пересечения, взаимного воздействия, проникновения одного мира в другой» (с. 198).

2-й раздел 4-й главы – об этических бытийных ситуациях. Самый насыщенный примерами из наследия разных поэтов: Державин, Баратынский, Глинка, Пушкин, Лермонтов, Бенедиктов, Тютчев, Майков, Бунин, Брюсов, Блок, Бальмонт, Гумилев, Волошин, Есенин, Шаламов, Самойлов.

Стихотворение Гумилева «Credo» дало наименование самой новаторской части этого раздела – стихотворениям-credo, т.е. декларациям своей жизненной веры, выбора (см. с. 207-234). Как и всюду, А.В. Радионова очень детализирует категории: «Декларации различаются по модальности: утвердительной, побудительной, вопросительной, инфинитивной... В обращениях-побуждениях можно видеть разные речевые акты: просьба, предложение, требование. Призыв может быть представлен как завещание» (с. 228).

3-й раздел 4-й главы – эстетический. Сразу же автор оговаривается о многоаспектности анализа: «... мы применили два методологических подхода: рассмотрели одну ситуацию в творчестве разных авторов и разные ситуации в творчестве одного автора» (с. 235). Далее подробнее анализируются 4 стихотворения с ситуацией «поэт творит»: «Пока не требует поэта...» Пушкина, «Живым сочувствием привет...» Тютчева, «Вечер» Гумилева, «Мельницы» Пастернака. Выявляются интересные антиномии на двух уровнях: всюду творчество поэта противостоит окружающему миру, но первые два поэта актуализируют контраст *поэт/свет, толпа*, а два последних – *поэт/мироздание* (с. 236-237). И затем разворачивается все большая сложность структурного строения текстов, раскрываются заметные отличия, но раскрываются и сходства во всех 4 стихотворениях: «... переход к творчеству знаменует активизацией действия, усилением динамики» (с. 241). В этом отношении оригинально рассмотрен синонимичный для всех предикат «петь», который однако заметно варьируется у четырех поэтов и по-разному может табуироваться (с. 249-252).

Подробное параллельное изучение 4 стихотворений может быть рекомендовано как образец сложного комплексного анализа, возводящего текст литературоведа на сложный уровень музыкальной симфонической партитуры, когда раскрытие, анализ движется сразу по четырем партиям, создавая гармонию очень разных мелодий.

Анализ *разных* ситуаций в творчестве *одного* автора проводится на примере поэзии Андрея Вознесенского. Здесь эстетический метатекст расширен, соотносясь с этическим (с. 254-255). И здесь же среди других приемов оригинально рассмотрено *отзеркаливание* (с. 255).

В целом 4-я глава хорошо демонстрирует разнообразие литературоведческих аспектов и сложное развитие русской поэзии от конца XVIII в. до 2-й половины XX в., и при этом – развитие развития, развитие динамики категорий: «Лирика начала XX века тяготеет к аморфности, многоплановости мотивной структуры по сравнению с четко организованной мотивной структурой XIX века. Появляется двойственность деления минимальных мотивов, чередование мотивных рядов, что приводит к мерцанию значений, к силлепсу на мотивном уровне» (с. 266). Очень хорошо указано *мерцание*. А силлепс, подобно оксюмору и семантическим ассонансам, тоже дает колебание смыслов, это тоже своего рода мерцание и пульсация. Иными словами, это жизнь, а не схема.

Вся 5-я глава отдана ментальной парадигме метатекста. Эта парадигма справедливо объявлена магистральной. И справедливо же подчеркнута, что «сознание нельзя понять сознанием», и здесь исследователю может помочь поэзия, которая является сложным комплексом: «Поэзия по своей природе – это и работа сознания, и прорыв бессознательного, и влияние интуиции, и проявление Божественного откровения» (с. 270).

Далее рассматриваются основные парадигмы мотивов: «сознание движется» (с. 271-278), «сознание – свет» (с. 278-291), «мышление как труд» (с. 291-299), «ночное размышление» (с. 299-312), «взаимодействие ментального и телесного» (с. 313-325).

Попутно оригинально раскрываются некоторые, казалось бы, известные факты из истории русской поэзии; мне, например, было очень интересно увидеть раскрытие у Ап. Григорьева "внутренней светозарности" (с. 283).

Из цепи названных парадигм самые впечатляющие – ночная и телесная. В «ночном» разделе объявлено, что наряду с иррациональными объектами у поэтов может находиться рациональное сознание (см. с. 305), но все же большая часть раздела посвящена трансцендентному, страхам, кошмарам, тоске, опьянению: ночь все-таки больше склоняет человека к иррациональному! Правильно подчеркнута *двойственность* ночных размышлений (см. с. 312). Отмечу еще интересную конкретику в «ночном» разделе: рассмотрены темы *часов, окна, огня* (с. 308-311).

«Ментально-телесная» парадигма ведет к рассмотрению пяти органов чувств, точнее – трех из них: зрение, осязание, слух (почему-то опущены запах и вкус, хотя в творчестве наших поэтов можно найти немало тем и образов из одоральной и гастрономической сфер – и метафорических, и реальных). Наиболее подробно представлено зрение: общефилософские понятия, глаза, отражение, зеркальность... Всплывает важная тема *персонаж и двойник* (с. 319).

«Осязательный» подраздел, к сожалению, краток; мне не хватает здесь «температурных» проблем: тем жары и холода (немного и интересно о холоде говорится в разделе о Лосеве – см. с. 131, 141-142, но холод рассматривается там вне категории ума, хотя материал есть: «Ум льдиной стал, душа немеет...» -- с. 142; поэзия Лосева дает материал и для зрения и слуха – см. с. 143-144).

«Слуховой» подраздел ценно включает проблему тишины (с. 323-324), весьма значительную в поэзию. И очень-очень жаль, что в диссертацию не включено творчество великого поэта тишины Бориса Чичибабина (вообще он не упомянут).

2-й раздел 5-й главы посвящен *коллективному сознанию*. Оно расширяется до общечеловеческого сознания. И в связи с философскими и социально-политическими проблемами оно постоянно возвышается в анализе над поэзией, поэтому в разделе так много социального, политического, этнического, гендерного.

3-й раздел – «Сверхчеловеческое сознание». А.В. Радионова остраненно-объективно описывает пять вариантов такого разума: божественный, мировой, космический, мифологический, природный, не отдавая предпочтения какой-либо одной точке зрения и одному выбору. Отмечается лишь, что такое сознание – высшее по отношению к человеку и его сущности (с. 349).

Итак, в диссертации раскрываются чрезвычайно важные аспекты русской литературы, а освещение и истолкование их представляют во многом совершенно новые и перспективные страницы литературоведческого творчества. Включение диссертационных материалов в школьное и вузовское обучение даст и новые факты, и методологическую и методическую помощь в освоении сложных путей отечественной литературы.

Таким образом диссертация соответствует требованиям пп. 9-14 Постановления Правительства РФ «О порядке присуждения ученых степеней», а ее автор Алла Владимировна Радионова несомненно заслуживает присуждения ей искомой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Главный научный сотрудник-консультант СПб. ИИ РАН,
доктор филологических наук, профессор
Б.Ф. Егоров

191119 СПб., Загородный пр., 42, кв. 19

e-mail: borfed@mail.ru
телефон: 8 (911) 083-68-97

23.04.2019.

